

Вадим Панов

Ведьма

Часть сборника
Таганский перекресток (сборник)

Вадим Юрьевич Панов

Ведьма

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7771236
Таганский перекресток: Эксмо; Москва; 2006*

Аннотация

«— Привет! Я из Красноярска, и я странный.

Именно с этих слов начал знакомство со мной Валька Гостюхин.

С неожиданных, согласитесь, слов...»

Вадим Панов

Ведьма

– Привет! Я из Красноярска, и я странный.

Именно с этих слов начал знакомство со мной Валька Гостюхин.

С неожиданных, согласитесь, слов.

Валька стоял в центре комнаты, которую нам предстояло делить ближайшие пять лет, и смотрел прямо на меня своими огромными зелеными глазами. Наверное, это обстоятельство и повлияло на мою реакцию. Только представьте: парень с довольно длинными ярко-рыжими волосами и зелеными, можно сказать – женскими, глазами, смотрит на вас и говорит:

– Привет! Я из Красноярска, и я странный.

Оценили?

Ничего удивительного в том, что я насторожился.

Нет, буду откровенен – я растерялся. Насторожился я позже, секунд через пять, когда первая оторопь прошла и в памяти всплыли предупреждения родителей насчет царящей в столице свободы нравов. Я, конечно, не из деревни в Москву приехал, о существовании гомосексуалистов, трансвеститов, бисексуалов и прочих... гм... странных ребятах знал, но услышать подобное заявление от предполагаемого соседа по комнате в студенческой общаге, от человека, с которым

придется жить рядом не один год...

— Привет, — выдавил я из себя. — А я из Липецка, и я нормальный.

Теперь задумался Валька.

— В каком смысле?

— Я не странный. Я как все.

Он непонимающе поднял брови. Пришлось добавлять:

— Я обычный. Я женщин люблю.

И Гостюхин принялся ржать. Не смеяться, а именно ржать: громко, очень громко. В коротких промежутках между приступами хохота он поведал, что его зовут Валька, что он тоже любит женщин, а фраза насчет странности относилась не к сексуальным пристрастиям.

— А к чему?

— У меня бывают закидоны, — ответил Валька и в подтверждение постучал себя указательным пальцем по лбу. — Иногда мое поведение вызывает... недоумение.

— Например?

Я решил выяснить все до конца. Ведь в столь тонком деле, как выбор соседа по комнате, ошибиться нельзя. Если Гостюхин псих, то надо пойти к коменданту и потребовать другую комнату.

— Ну, например, я собираюсь переставить здесь мебель. Ты не против?

Я огляделся: две кровати, две тумбочки, стол, два стула и шкаф. Все в меру потрепанное, но на первый взгляд до-

статочно крепкое. И расставлено, кажется, вполне разумно: шкаф в углу, стол у окна...

– Зачем?

– Шаману не нравится, как стоят кровати, – объяснил Валька. – По-дурному они стоят. Неправильно.

Та-ак, час от часу не легче. Студент технического вуза приволок в общагу шамана. Здорово!

Нет, поймите меня правильно, об экстрасенсах и всяких там знахарях мне доводилось слышать и даже видеть... по телевизору. Скепсис в отношении этих деятелей я унаследовал от родителей, и к людям, обращающимся за помощью ко всякого рода адептам черно-белой магии, я отношусь со смешанным чувством иронии и жалости. Верят они, ну и пусть верят, может, одумаются. К тому же я всегда считал, что бегают к колдунам сорокалетние тетки, пытающиеся вернуть себе молодость, да выжившие из ума старухи, а потому я опять слегка растерялся.

– Какому еще шаману?

– Ему.

Валька небрежно махнул рукой. Я посмотрел в указанном направлении, но никого не обнаружил. А потом опустил взгляд...

В углу сидел здоровенный, черный как уголь кот.

– Шаман, – представил его Валька. – А в том месте, где он сидит, должно находиться изголовье кровати.

– Чьей? – выдавил я.

– Неважно, – ответил мой рыжий друг. – Хочешь – твоей. Шаман знает, что у нас две кровати, и найдет еще одно подходящее место. – Он помолчал. – Ну что, давай двигать тумбочки?

Кот зевнул и принялся вылизываться, периодически бросая в мою сторону подозрительные взгляды. Глаза у него были такие же зеленые, как и у Вальки. Только еще более наглые, что немудрено, учитывая габариты зверя – размерами Шаман не уступал небольшой собаке.

– Сибирский? – поинтересовался я.

– Угу.

Я тяжело вздохнул.

– Он будет жить здесь?

– Тебе не нравятся коты?

Шаман перестал вылизываться и посмотрел на меня... Что вам сказать о его взгляде? Тяжелый? Да. Враждебный? Нет. Правильнее всего описать его так: Шаман посмотрел на меня с высокомерной усталостью. И я вдруг почувствовал – не догадался, не понял, а именно почувствовал – что черный котяра видит меня насквозь. Он знает, что я никуда не денусь, что останусь и помогу Вальке переставить мебель. Он знает, что я не имею ничего против его присутствия – я люблю кошек. Он знает все и не понимает, почему я тяну резину и не берусь за работу.

– Тебе не нравятся коты?

Я пробурчал: «Да ладно, ладно», после чего сбросил

джинсовку и взялся за кровать.

Шаман отправился обнюхивать мой рюкзак.

Мы затратили на перестановку почти полчаса. Из-за Шамана, разумеется, – вредная зверюга долго не соглашалась принимать результаты работы.

Кот бродил между мебелью, точил когти то о ножки шкафа, то о спинки кроватей, пару раз подал голос, басовито мякнув о чем-то Вальке, который, в свою очередь, сразу же принимался двигать неудобный животному предмет обстановки. Я послушно помогал, решив для себя, что следует хотя бы попробовать ужиться с зеленоглазыми знакомцами. Не объяснять же в самом деле коменданту, что не хочу жить с Гостюхиным потому, что его кот занимается дизайном интерьеров?

Другими словами, я сдался. Смирился с судьбой, хотя, если честно, доведись мне тогда знать, к чему приведет наша с Валькой дружба, я бы сто раз подумал...

Но не будем забегать вперед.

После получаса такелажных работ нам наконец-то удалось удовлетворить дотошное животное. Кот милостиво оглядел обновленную комнату, немного посидел на моем стуле, потом на столе, а затем прыгнул в открытую форточку, перебрался на ветку дерева и исчез среди листвы.

– Шаман эту комнату сразу заприметил, – сообщил валяющийся на кровати Валька. – Второй этаж, у окна большое

дерево – раздолье.

– И ты стал выпрашивать ее у коменданта?

– Ну... вроде того.

После я догадался, что скрывалось за неопределенностью фразы, но в то мгновение просто не обратил на нее внимания. Покончив с делами, я вновь почувствовал прилив энтузиазма. Праздничное настроение, улетучившееся при первых словах Вальки, вернулось, и мне захотелось бужить.

– Что будем делать дальше?

– Как – что? – Гостюхин был ошарашен моим вопросом. – Сегодня же наш первый день в общежитии! Будем знакомиться!

– С кем?

– Со всеми, – решительно ответил Валька.

Я не возражал.

Честно говоря, события той ночи я помню смутно. То есть до определенного момента все запоминалось в обычном режиме, но после того, как по кругу пошла шестая бутылка, та часть моего мозга, что отвечает за запись, стала сбоить. Помню, мы пошли гулять, чтобы «проветриться», и я свалился в какие-то кусты. Помню, на общую кухню пришли ребята с третьего курса, и мы пили настойку. Помню, курили на лестнице. Помню... нет, кажется, я путаю с каким-то другим праздником.

Единственное, чего я не помню, а знаю наверняка, так это то, что уснул я в ванной, откуда меня перенесли на кровать.

Раздевать не стали, да и вряд ли кто-нибудь из моих новых приятелей справился бы со столь сложным делом, зато накрыли покрывалом, так что спал я как белый человек.

А проснулся в момент произнесения очередного тоста и инстинктивно сморщился, услышав звон стаканов.

– Серега, пить будешь?

Будто и не засыпал... Я промычал: «Нет», заставил себя подняться, присел к столу и сразу же нашел ЕГО – пакет апельсинового сока.

– А мы решаем, не пойти ли сегодня в киношку, – сообщил Валька.

Скажи мне кто-нибудь, что Гостюхин пил всю ночь, ни за что бы не поверил: свежий, опрятный, с ясными глазами и широкой улыбкой, он напоминал целлулоидных мальчиков с рекламных плакатов и выглядел так, словно только что вышел из душа. Немудрено, что обе сидевшие за столом девчонки не сводили с Вальки глаз.

– Киношка – это хорошо, – пробубнил парень с противоположного конца стола. – Но разве мы не все деньги пропили?

– Нет.

– Непорядок.

Парень вздохнул и принялся разливать. Его лицо было мне незнакомо.

– Ребята, – подала голос одна из девчонок, – а давайте выпьем за...

Договорить она не сумела. За окном раздался визг тормозов, удар и звон разбитого стекла. Еще через несколько мгновений послышалась громкая ругань.

Валька выглянул на улицу и внимательно изучил замершие на перекрестке автомобили.

– Столкнулись.

– Это здесь бывает, – махнул рукой парень.

– Часто бывает, – тихо произнес Валька.

И только я уловил, что Гостюхин не спрашивал – он говорил так, словно все знал.

– Ага, часто, – охотно подтвердил парень. – Дорога хорошая, ровная, но перед перекрестком изгибается. Не видно ни хрена. Народ разгоняется, вылетает на перекресток – и привет.

– Какое странное совпадение. – Валька улыбнулся.

Стояло раннее утро. Я не смотрел на часы, но голову даю на отсечение, что было не больше семи. Улица пуста, светофор работает исправно, а на перекрестке стоят две разбитые машины.

Действительно – стечение обстоятельств. Но мне отчего-то показалось, что Валька имел в виду другое...

– Ребята, давайте же, в конце концов, выпьем и пойдем спать! – громко предложила все та же девчонка. – Иначе накроется наше кино.

И выразительно посмотрела на Вальку.

– Не накроется, – пообещал тот, поднося ко рту стакан.

Я вздохнул.

Они выпили, всезнающий парень свалился со стула, и мне пришлось тащить его в соседнюю комнату. А Валька отправился провожать девчонок.

Вернулись они одновременно: Валька и Шаман. Часа через два. Первый появился через дверь, а второй через окно. Постояли, посмотрели друг на друга зелеными глазами и завалились спать.

* * *

Как выяснилось, о репутации перекрестка, на который выходило наше окно, знали все. Аварии на тихой улице происходили едва ли не чаще, чем на оживленных проспектах. Не каждый день, разумеется, но два-три раза в месяц нам приходилось видеть разбитые машины и слышать их ругающихся владельцев. Утром и вечером, днем и ночью, в часы пик и во время затишья. Всегда. Периодически в студенческих компаниях заходили разговоры об этом странном месте, и тогда всплывали любопытные подробности. Например: несмотря на огромное количество аварий, до сих пор не было ни одной жертвы. Водители и пассажиры ломали руки, ноги, ребра, получали сотрясение мозга, но всегда оставались в живых. Даже в тех случаях, когда машина превращалась в груды металлолома. Или: перекресток любит «Тойоты». Все в

один голос утверждали, что автомобили этой марки ни разу не попадали в аварии в нехорошем месте. Один парень даже рассказывал, что видел, как шофер «Тойоты» чудом вывернулся из, казалось бы, безнадежной ситуации. Так это или нет, не знаю, но японские тачки были самыми популярными машинами у жителей окрестных домов.

Милиция, надо сказать, пыталась бороться с плохим перекрестком. Они устанавливали дополнительные знаки, тщательно следили за тем, чтобы светофоры работали безотказно, периодически выставляли мобильные группы, приучая водителей к мысли, что на этой улице строго следят за соблюдением скоростного режима, а потом и вовсе прибегли к помощи «лежачих полицейских». Но все напрасно. Однажды я сам видел, как на перекрестке «поцеловались» два автомобиля, проползавшие со скоростью двадцать километров в час мимо стоящего у обочины милиционера. Повреждения оказались незначительными, и громче всех после аварии ругался постовой, честно не понимающий, как водители смогли столкнуться при таких обстоятельствах.

Когда я рассказал об этом Вальке, он лишь пожал плечами и пробурчал, что следует закрыть для проезда одну из улиц.

– Оттуда ездить нельзя.

– Что ты имеешь в виду? – спросил я.

– То, что сказал.

И вернулся к учебникам.

Еще одно проявление странности?

Меня подмывало продолжить разговор, но в этот момент дверь распахнулась, и появился комендант общежития, лично провожающий Шамана в его покои.

– Классный у тебя кот, Гостюхин.

– Спасибо, Василий Иванович, – улыбнулся Валька.

Необычное дружелюбие коменданта, отставного военного, ненавидевшего кошек всеми фибрами души, объяснялось просто – за неделю Шаман передал всех обитавших в подвале мышей. После такого подвига его право жить в общежитии никто не оспаривал.

– Зверюга, – уважительно улыбнулся Василий Иванович.

Разлегшийся на подоконнике Шаман холодно кивнул и отвернулся.

Предупреждение, с которого Валька начал наше знакомство, и история с Шаманом, указавшим наиболее благоприятное расположение кроватей, побудили меня искать элементы необычного в поведении соседа. Честно говоря, не знаю, что я ожидал увидеть. Гостюхин не разжигал в комнате благовония, не медитировал, не творил обряды, не разговаривал со своим котом, одним словом, вел себя как нормальный человек. И после нескольких месяцев наблюдений я обратил внимание всего на три детали, которые можно было трактовать как странные.

Во-первых, Валька был крупнее остальных первокурсников и держался как более взрослый человек. Присутствовало

в его поведении и рассуждениях нечто, что подсказывало — он и на самом деле старше. С другой стороны, я точно знал, что в армии Гостюхин не служил. Поскольку посмотреть его документы возможности не было, я рискнул спросить Вальку в лоб, и он спокойно подтвердил мою правоту, сообщив, что пошел в школу в десять лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.